

Соня Лаврова

Нераскрытая тайна

Соня Лаврова

Нераскрытая тайна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43721840

ISBN 9785005033574

Аннотация

Борис Цвайт, мальчик 13 лет, попал в необычную и очень опасную для жизни ситуацию. Он очень хочет выжить и вернуться к родителям. Сколько тайн и секретов узнает он? Увидят ли его родители живым? Все это можно узнать, почитав эту книгу.

Содержание

Глава1	5
Глава2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нераскрытая тайна

Соня Лаврова

© Соня Лаврова, 2019

ISBN 978-5-0050-3357-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Борис Цварт смотрел в иллюминатор маленького самолета на бесконечную зеленую Северную пустыню. Это был маленький самолет, «Сессна-406», а двигатель был таким громким, таким ревушим, всепоглощающим и громким, что невозможно было разговаривать. Но ему и не очень то хотелось разговаривать.. Ему было тринадцать, и он был единственным пассажиром в самолете с пилотом по имени... как его звали? Джим, или Джейк, или что – то в этом роде-ему было за сорок, и он молчал, готовясь к взлету. С тех пор как Борис приехал в маленький аэропорт Хэмптона, штат Нью – Йорк, чтобы сесть на самолет. В аэропорт привезла его мать, пилот сказал ему всего пять слов.

– Садись на место второго пилота.– Что Борис и сделал. Они сели, и это был последний разговор. Конечно, он был очень возбужден. Он никогда раньше не летал на одномоторном самолете, и сидеть в кресле второго пилота со всеми приборами управления прямо перед ним, когда самолет набирал высоту, дергаясь и скользя по ветру, когда самолет взлетал, было интересно и захватывающе. Но через пять минут они выровнялись на высоте шести тысяч футов и они направились на северо-запад, и с тех пор пилот молчал, глядя вперед, и он слышал только гул двигателя. Гул и море зеле-

ных деревьев, которые лежали перед носом самолета и тянулись до горизонта, с озерами, болотами, блуждающими ручьями и реками.

Теперь Борис сидел, глядя в окно, в ушах у него грохотал рев мотора самолета, и он пытался понять, что привело его к этому полету. Начались размышления. Это все начиналось с двух слов

Расторжение брака.

Уродливые слова, подумал он. Слезливые, уродливые слова, означающее драки и крики, адвокаты – боже, подумал он, как он ненавидит адвокатов, которые сидят со своими уютными улыбками и пытаются объяснить ему в юридических терминах, как все, в чем он живет, разваливается на части – и как ломаются и разрушаются все твердые вещи. Его дом, его жизнь – все прочное. Расторжение брака. Сломанные слова, уродливые сломанные слова.

Расторжение брака.

Борис почувствовал, как у него начинают гореть глаза, и понял, что сейчас заплачет. Первое время он плакал, но теперь это прошло. Теперь он не плакал. Вместо этого его глаза горели, и из них текли слезы, но он не плакал. Он вытер глаза пальцем и краем глаза посмотрел на пилота, чтобы убедиться, что тот не заметил его слез.

Пилот сидел, широко расставив ноги и положив руки на руль. Он казался больше продолжением самолета, чем человеком. На приборной доске перед ним Борис увидел циферблаты, переключатели, счетчики, ручки, рычаги, рукоятки, огоньки, ручки, которые двигались и мерцали, он в этом нечего не понимал, и пилот казался таким же. Часть самолета, а не человек.

Когда он увидел, что Борис смотрит на него, пилот, казалось, немного смягчился и улыбнулся. – Ты когда-нибудь летал в кресле второго пилота? Он наклонился, снял наушники с правого уха и надел их на висок, стараясь перекрыть шум мотора.

Борис покачал головой. Он никогда не летал ни в каком самолете, никогда не видел кабину самолета, разве что в кино или по телевизору. Это было непонятно и сбивало с толку.

«Это не так сложно, как кажется. Хороший самолет, как этот, почти летает сам по себе. Пилот пожал плечами. – Это облегчает мне работу. – Он взял Бориса за левую руку. – Вот, положи руки на рычаги, ноги на педали руля, и я покажу тебе, что я имею в виду. Борис покачал головой. – Лучше не надо.» «Конечно. Попробуй...»

Борис схватился за руль так крепко, что побелели костяшки пальцев. Он опустил ноги на педали. Самолет внезапно

повернул направо.

– Не так уж и трудно. Борис ослабил хватку. Жжение в его глазах мгновенно исчезло, когда вибрация самолета прошла через колесо и педали. Ему казалось, что самолет живой, а он часть самолета. Пилот кивнул. – Летать легко. Просто нужно учиться. Как и все остальное. Он взял управление на себя, потянулся и потерял левое плечо. – Болит и болит – должно быть, старею.»

Борис отпустил рычаги управления и убрал ноги с педалей, когда пилот положил руки на руль. «Спасибо тебе...»

Но пилот снова надел наушники, и благодарность растворилась в шуме двигателя, и Борис снова стал смотреть в окно на океан деревьев и озер. Горящие глаза не вернулись, но воспоминания нахлынули. Слова. Всегда слова.

Расторжение брака.

секрет.

Большой раскол. Отец Бориса не понимал что происходит, а Борис все понимал и знал. Отец знал только, что мать Бориса хотела разойтись. Последовал раскол, потом развод, и все так быстро, что суд оставил его с матерью, за исключе-

нием летних каникул и того, что судья называл «правом посещения». – Так официально. Борис ненавидел судей так же, как и адвокатов. Судьи склонились над скамьей и спросили Бориса, понимает ли он, где ему жить и почему. Судьи, которые не знали, что произошло на самом деле. Судьи с заботливым взглядом, который ничего не значил, поскольку адвокаты говорили юридические фразы, которые ничего не значили.

Летом Борис будет жить с отцом. В учебном году с мамой. Это то, что сказал судья, посмотрев на бумаги на своем столе и слушая адвокатов. Говорили. Слова, слова. Самолет слегка накренился вправо, и Борис посмотрел на пилота. Он снова потирал плечо, и в самолете внезапно запахло газом. Борис повернулся, чтобы не смущать пилота, которому явно было не по себе. Должно быть проблемы с желудком. Итак, этим летом, этим первым летом, когда ему разрешили иметь «право посещения» отца, спустя месяц после развода. – Борис летел к отцу. Борис направлялся на север. Его отец был инженером-механиком, который разработал или изобрел новое сверло для бурения нефтяных скважин, самоочищающееся, самозатачивающееся. Он работал на нефтяных месторождениях Канады, там, где начиналась тундра и заканчивались леса. Борис ехал из Нью-Йорка с каким – то буровым оборудованием, сделанное специально в городе – оно было привязано в хвостовой части самолета рядом с матерчатым меш-

ком, который пилот назвал спасательным ранцем, в котором были аварийные припасы на случай, если им придется совершить аварийную посадку, летел в самолете в Буше с пилотом по имени Джим или Джейк, или кто-то еще, который оказался хорошим парнем, позволившим ему управлять самолетом и все такое. Запах газа заполнил всю кабину. Борис еще раз взглянул на пилота и обнаружил, что тот потирает плечо и руку, левую руку, отпуская газ и морщась. Наверное, что-то съел, подумал Борис.

Мать привезла его из города, чтобы встретить самолет в Хэмптоне, где он должен был забрать буровое оборудование. Поездка в тишине, долгая поездка в тишине. Два с половиной часа он просидел в машине, глядя в окно точно так же, как сейчас смотрел в окно самолета. Однажды, через час, когда они выехали из города, она повернулась к нему.

– Послушай, мы можем это обсудить? Мы можем поговорить? Ты не можешь сказать, что тебя беспокоит?»

И снова эти слова. Расторжение брака. Раскрыть секрет. Как он мог рассказать ей то, что знал? Поэтому он промолчал, покачал головой и продолжал невидящим взглядом смотреть на окрестности, а мать снова начала следить за дорогой, она еще раз заговорила с ним, когда они подъехали к Хэмптону.

Она перегнулась через спинку сиденья и вытащила бу-
мажный пакет. - У меня есть кое-что для тебя.»

Борис взял мешок и открыл его. Внутри лежал топор со стальной ручкой и резиновой рукояткой. Топорик лежал в толстом кожаном футляре с медной петлей на поясе.

– Прикрепи его себе на пояс. Мать заговорила, не глядя на него: Теперь на дороге стояло несколько фермерских грузовиков, и ей приходилось лавировать между ними и следить за движением. – Человек в магазине сказал, что он вам пригодится, в лесу с твоим отцом.» – Примерь его. Посмотри, как он смотрится на твоём поясе.»

В обычной ситуации он сказал бы «нет»,», что топор на поясе выглядит слишком по-дурацки. Это были обычные вещи, которые он говорил. Но голос у нее был тоненький, как будто что-то тоненькое ломалось, если к нему прикоснуться, и ему стало стыдно, что он с ней не разговаривает. Зная то, что он знал, даже несмотря на гнев, раскаленную добела ненависть к ней, он все еще чувствовал себя виноватым из-за того, что не разговаривал с ней, и поэтому, чтобы потакать ей, он ослабил ремень и вытащил правую сторону, и надел топор, и снова застегнул ремень.

– Подвинься, чтобы я могла видеть.» Он заерзал на сиденье, чувствуя себя немного нелепо.

Она кивнула. – Прямо как разведчик. Мой маленький разведчик. И в ее голосе была нежность, какая была у нее, когда он был маленьким, и нежность, какая была у нее, когда он был маленьким и больным, и простуженным, и она гладила ему лоб, жжение снова вспыхнуло в его глазах, и он отвернулся от нее и посмотрел в окно, забыл о топоре на поясе и так добрался до самолета с топором на поясе.

Из-за того, что самолет летел из маленького аэропорта, там не было никакой охраны, и самолет ждал его, с работающим двигателем, когда они доехали, он схватил свой чемодан и сумку и побежал к самолету, не останавливаясь, ему было некогда снять топор. Значит, он все еще висел у него на поясе. Сначала он смутился, но пилот ничего не сказал, и Борис забыл об топоре, когда они взлетели. Запах не проходил-кабина была заполнена запахом газа и это было неприятно. Борис снова повернулся к пилоту, который, положив обе руки на живот и морщась от боли, снова потянулся к левому плечу.

– Не знаю, малыш... – едва слышно прошипел пилот. – Здесь ужасно болит. Сильно болит. Думал, я что-то съел, но»

Он остановился, почувствовав новый приступ боли. Даже Борис видел, насколько все плохо – боль заставила пилота откинуться на спинку сиденья.

«У меня никогда не было ничего подобного...» Пилот потянулся к выключателю микрофона, его рука поднялась по небольшой дуге от живота, он щелкнул выключателем и сказал:...»

И тут его словно молотом ударило, так сильно, что он, казалось, вжался в сиденье, и Борис потянулся к нему, сначала не понимая, что это такое, не зная.

А потом понял.

Борис знал. Рот пилота окаменел, он выругался и, схватившись за плечо, несколько раз ударился о сиденье. Выругался и прошипел: О Боже, моя грудь разрывается!» Теперь Борис понял, что с пилотом, он знал..

У пилота случился сердечный приступ. Борис был с матерью в торговом центре, когда у мужчины перед магазином случился сердечный приступ. Он упал и закричал, хватаясь за грудь. Старик. Намного старше пилота.

Борис знал.

У пилота случился сердечный приступ, и, когда Борис осознал это, он увидел, как пилот еще раз плюхнулся на сиденье, еще один ужасный удар, и его правая нога дернулась, самолет резко дернулся в сторону, голова упала вперед, и он сплюнул. Слюна исходила от уголки его рта и ноги сжались, упираясь в сиденье, а глаза закатились так, что остались только белки.

Глаза побелели, и запах усилился, заполнив кабину, и все это произошло так быстро, так невероятно быстро, что Борис сначала не мог осознать происходящее. Можно было видеть только поэтапно.

Пилот только что говорил, жалуясь на боль. Он говорил.

Потом начались толчки.

Толчки, которые вернули пилота назад, начались, и теперь Борис сидел, и в реве двигателя было странное чувство тишины – странное чувство тишины и одиночества. Борис окаменел.

Он замер.. Внутри все остановилось. Он не мог думать о том, что видел, что чувствовал. Время остановилось.

От ужаса настолько сильного, что что его мысли, сердце и дыхание казалось замерло и сердце перестало биться.

Окаменевший.

Проходили секунды, секунды, которые стали всей его жизнью, и он начал понимать, что он видит, начал понимать, что он видит, и это было хуже, намного хуже, чем он хотел, он хотел чтобы его разум снова застыл.

Он сидел в самолете, ревушем в семи тысячах футов над Северной пустошью, с пилотом, у которого случился обширный инфаркт и который был либо мертв, либо находился в коме.

Он был один.

В ревушем самолете без пилота он был один. Один.

Глава2

Какое-то время он не мог понять, почему он ничего не может сделать. Даже после того, как его разум начал работать и он увидел, что произошло, он ничего не мог сделать. Его руки словно налились свинцом.

Затем он стал искать способы, чтобы этого не случилось. «Спи!» – мысленно кричал он пилоту. Просто спите, и ваши глаза откроются сейчас, и ваши руки возьмут управление, и ваши ноги будут двигаться к педалям – но этого не произошло.

Пилот не пошевелился, только его голова покатилась по шее, когда самолет попал в небольшую турбулентность.

Самолет.

Каким-то образом самолет все еще летел. Прошло несколько секунд, почти минута, а самолет все летел, как ни в чем не бывало, и он должен был что-то сделать, должен был что-то сделать, но не знал что.

Помогите. – Пожалуйста, – сказал Борис. Но не знал, о чем и кого спросить.

Самолет снова накренился, снова попал в зону турбулентности, и Борис почувствовал, как у самолета опустился нос. Он не нырнул, но нос немного опустился, и угол падения увеличил скорость, и он знал, что под этим углом, под этим небольшим углом вниз, он в конечном счете полетит в деревья. Он видел их впереди, на горизонте, где раньше было только небо.

Он должен как-то управлять самолетом. Придется управлять самолетом. Он должен помочь себе. Пилот или умер или лежал в коме, он ничего не мог поделать. Он должен попытаться управлять самолетом.

Он повернулся на сиденье, он немного пришел в себя и начал чувствовать, он положил руки – все еще дрожащие – на штурвал, ноги осторожно на педали руля. Потянуть рычаг, чтобы поднять самолет, он знал это —он читал. там было написано- всегда тянуть руль назад. Он дернул рычаг, и он легко скользнула к нему. Слишком легко. Самолет, набрав скорость от наклона вниз, стремительно взмыл вверх и опрокинул Бориса на живот. Он вернул штурвал на место, на этот раз зашел слишком далеко, и нос самолета ушел за горизонт, а скорость двигателя увеличилась с небольшим пикированием. Слишком резко..

Он снова потянул назад, на этот раз мягче, и нос снова поднялся вверх, слишком высоко, но не так сильно, как раньше, затем немного вниз, и снова вверх, очень легко, и передняя часть обтекателя двигателя успокоилась. Когда он нацелил его на горизонт и тот, казалось, стал устойчивым, он удержал руль на месте, выдохнул – он и делал это все это время и – и он попытался придумать, что делать дальше.

День был ясный, с голубым небом и пушистыми облачками, и он на мгновение выглянул в окно, надеясь увидеть что-нибудь, город или деревню, но ничего не увидел. Только зелень деревьев, бесконечная зелень и озера, разбросанные все гуще и гуще по мере того, как самолет летел – куда?

Он летел, но не знал куда, понятия не имел куда. Он смотрел на приборную панель самолета, изучал циферблаты и надеялся получить какую-нибудь помощь, надеялся найти компас, но все это было так запутано, огромное количество цифр и огней. На одном из освещенных дисплеев в центре приборной панели красовалась цифра 342, на другом-22. Внизу были циферблаты с линиями, которые, казалось, указывали, что делают крылья, наклоняются или двигаются, и один циферблат с иглой, указывающей на цифру 70, которая, как он думал – только думал – могла быть высотомером. Устройство, которое говорило ему о его высоте над землей. Или над уровнем моря. Где-то он читал что-то об альтиметрах,

но не мог вспомнить, что именно, где и что именно. Чуть левее и ниже высотомера он увидел маленькую прямоугольную панель с освещенным циферблатом и двумя ручками. Он пробежал по ней глазами два или три раза, прежде чем увидел то, что было написано крошечными буквами на панели. Передатчик 221 был выбит в металле, и до него наконец дошло, что это радио.

Радио. Конечно. Он должен был использовать радио. Когда пилота сбили (он не мог заставить себя сказать, что пилот мертв, не мог об этом думать), он пытался воспользоваться радио.

Борис посмотрел на пилота. Гарнитура все еще была на его голове, слегка повернутая набок после того, как он откинулся на спинку сиденья, а микрофон был пристегнут к поясу.

Борису пришлось взять у пилота наушники. Пришлось протянуть руку и взять у пилота наушники, иначе он не смог бы воспользоваться рацией, чтобы позвать на помощь. Он должен был дотянуться....

Его руки снова задрожали. Он не хотел прикасаться к пилоту, не хотел тянуться к нему. Но он должен был. Надо было взять радио. Он слегка оторвал руки от руля и держал их,

ожидая, что будет дальше. Самолет летел нормально, ровно.

Ладно, подумал он. Сейчас. А теперь приступим к делу. Он повернулся и потянулся за наушниками, снял их с головы пилота, одним глазом следя за самолетом, ожидая, когда тот нырнет. Гарнитура легко поддавалась, но микрофон на поясе пилота был зажат, и ему пришлось потянуть за ним. Когда он потянул, его локоть ударился о руль и толкнул его, и самолет начал снижаться в мелком пикировании. Борис схватился за руль и потянул его назад, снова слишком сильно, и самолет прошел еще одну серию головокружительных взлетов и падений, прежде чем он смог взять его под контроль. Когда все успокоилось, он снова потянул за шнур микрофона и наконец выдернул его. Ему потребовалась еще секунда или две, чтобы надеть наушники на голову и поднести микрофон ко рту. Он видел, как пилот использовал его, видел, как он нажал кнопку на поясе, поэтому Борис нажал кнопку и подул в микрофон.

В наушниках послышалось его дыхание. – Привет! Кто-нибудь меня слышит? Привет...»

Он повторил это два или три раза и подождал, но не услышал ничего, кроме собственного дыхания.

И тут началась паника. Он был напуган, он пришел ужас

от происходящего, но теперь пришла паника, и он начал кричать в микрофон, кричать снова и снова. – Помогите! Кто-нибудь помогите мне! Я в этом самолете и не знаю... не знаю... не знаю»

И он начал плакать вместе с криками, плакать и хлопать руками по рулю самолета, заставляя его дергаться вниз, а затем снова вверх. Но снова он не услышал ничего, кроме собственных рыданий в микрофон, собственных издевательских криков, возвращавшихся в его уши.

Микрофон. Сознание пронзило его. Однажды он воспользовался радиоприемником в дядином пикапе. Чтобы услышать кого-то еще, нужно было выключить микрофон. Он потянулся к поясу и отпустил выключатель.

На секунду все, что он услышал, было пустые воздушные волны. Затем сквозь шум и помехи он услышал голос.

– Кто бы ни звонил по этой радиосети, повторяю, отпустите микрофон – вы меня прикрываете. Ты прикрываешь меня. «Он замолчал, и Борис включил микрофон. – Я тебя слышу! Я тебя слышу. Это я...! Он отпустил выключатель.

«Джеймс. Теперь у меня есть ты.– Голос был очень слабым и прерывающимся. – Пожалуйста, укажите ваши трудности и местоположение. И передайте сигнал окончания пе-

редачи...»

Пожалуйста, укажите мои трудности, Борис думал. Бог. Моя трудность. – Я в самолете с пилотом, у которого случился сердечный приступ или что-то в этом роде. Он – он не может летать. И я не умею летать. Помогите мне. Помогите... – он выключил микрофон, не закончив передачу. Был момент колебания перед ответом. – Тур-сигнал прерывается, и я потерял большую его часть. Пойми... пилот... ты не можешь летать. Правильно?»

Борис едва слышал его, в основном шум и помехи. – Совершенно верно. Я не умею летать. Самолет уже летит, но я не знаю, сколько еще.»

– ...сигнал потерян. Ваше местоположение, пожалуйста. Номер рейса... местоположение... Вер.»

– Я не знаю ни номера рейса, ни места. Я ничего не знаю. Я же говорил, прием.» Он ждал, ждал, но ничего не происходило. Один раз, на секунду, ему показалось, что в шуме что-то оборвалось, какая-то часть слова, но это могли быть помехи. Через две, три, десять минут самолет взревел, и Борис прислушался, но никого не услышал. Потом снова нажал на выключатель.

– Я не знаю номера рейса. Меня зовут Борис Цварт, и мы покинули Хэмптон, Нью-Йорк, направляясь в канадские нефтяные месторождения, чтобы навестить моего отца, и я не знаю, как управлять самолетом и пилотом...»

Он отпустил микрофон. Его голос начал дрожать, и он чувствовал, что может закричать в любую секунду. Он глубоко вздохнул. – Если кто-нибудь подслушивает и может помочь мне управлять самолетом, пожалуйста, ответьте.»

К нему пришли части книг, которые он читал о полете. Как работали крылья, как пропеллер тянул самолет по небу. Простые вещи, которые не помогут ему сейчас.

Ничто не могло помочь ему сейчас.

Час прошел. Он взял гарнитуру и попытался снова – он знал, что в конце концов все, что у него было, – но ответа не было. Он чувствовал себя заключенным в маленькой камере, которая неслась по небу со скоростью, равной 160 миль в час, и направлялся – он не знал, куда... просто куда-то направлялся, пока...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.